

А.Ю. Антоновский

Миссия философа в полицентричном мире.

Часть первая. Философия и ее смыслообразующий коммуникативный контекст

Способность философии к универсальному суждению

Свой тезис мы, как водится, начнем с постановки проблемы. Нам представляется чрезвычайно странным и требующим объяснения то обстоятельство, что в наше время, век дифференциации, специализации и профессионализации, все еще существует претендующая на научность дисциплина, способная на универсальное суждение. Под способностью к универсальному суждению способность философов наблюдать природу, общество, сознание (инореференция) и одновременно рефлексировать свою способность к наблюдению природы, общества и сознания (самореференция).¹ На такую наблюдательную широту в современном мире, как мне кажется, может претендовать только один наблюдатель. Но как удалось сохраниться этому «динозавру» в мире, где востребуется, финансируется, процессируется (в публикациях и образовательном процессе) только высоко специализированное знание?

Метод

Для объяснения этого феномена, очевидно, требуется его так или иначе описать. Я буду исходить из коммуникативного понимания науки и философии, т.е. рассматривать его в одной плоскости с самыми разными – конкурирующими – способами коммуникации (= наблюдения). Вопрос, состоит в *differentia specifica* именно философской коммуникации, противостоящей и отличающийся от всех остальных – внешних для философии и науки – типов коммуникации, образующих контекст и зачастую (предмет) философии. Если это так, то, следуя идеям позднего Витгенштейна, мы можем понять философию, если пойдем универсальный философский контекст как некое *противопонятие* к понятию философской коммуникации. Другими словами, *миссию и смысл* существования современной философии (и науки, как ее «материнской» коммуникативной системы) мы будем объяснять через смыслообразующий (по Витгенштейну) коммуникативный контекст современной философии.

В первой части своего доклада я сформулирую «негативные условия возможности» философии как универсального наблюдателя (где миссия философа определялась бы через то, чем философская коммуникация *не является*). Во второй части мы попробуем сформулировать «позитивные условия возможности» такой философии. И попытаюсь обосновать, что философ в современном обществе одновременно выступает в амплуа *ученого, художника и протестующего*.

¹ Примером такого суждения могло бы быть суждение о том, что все означенные области подчиняются универсальным законам (а не локальным случайными генерализациями), что для них характерны универсальные эволюционные механизмы (и т.д.), структурные принципы и т.д.

Контекст философской коммуникации

Определяя внешнюю коммуникативную среду, в которую погружена философия и от которой она себя – как наблюдатель – в своей коммуникации отграничивает, в первую очередь обращает на себя внимание гетерогенность, многополярность и полицентричность этого коммуникативного контекста.

Многополярность, правда, приходится отбросить как неудачный термин². Поэтому более осмысленно говорить полицентричной коммуникативной среде. Но что это за центры? Со времени Николая Кузанского мы знаем, что у Вселенной вообще нет центра. Эта же мысль можно выразить по-другому, с точки зрения равноправия систем отсчета (наблюдения). Центр определяется положением наблюдателя или системы, и в этом смысле центров столько же, сколько наблюдателей.

Конечно, можно поискать глобальных, всемогущих наблюдателей, и тогда они образуют мировые центры наблюдения, способные создавать описания мира и принуждать к его акцептации. Именно по отношению к которым можно определить положение философии, которое дает свое, альтернативное мироописание.

Полицентричность властных центров

Конечно, такими глобальными или универсальными наблюдателями, которые формируют самописание современного общества, на первый взгляд являются мировые политические системы коммуникаций. Эти системы часто используют семантику государства, как символа или ориентира политического общения. Все для блага государства, утверждают они. И эта формула в свою очередь универсальна. В отношении всего, что делается и говорится, даже в отношении к сегодняшнему выступлению, этот всемогущий наблюдатель (политическая система) может заставить учитывать государственный резон. Политические центры наблюдения в свою очередь претендуют на универсальный характер своих наблюдений, поскольку предметом коллективно-обязательных решений (= наблюдения политики) может стать любая другая коммуникация (научная, хозяйственная, интимная, религиозная и т.д.). Но эта универсальность обманчива, т.к. она маскирует линейную перспективу наблюдения из этого мирового центра. Эта универсальность политического наблюдения, как я покажу ниже, не сопоставима с наблюдательной универсальностью философии.

Насколько валидны ли универсальные притязания политических наблюдений? Способны ли они заместить собой все остальные возможности наблюдения? Очевидно, что в современном обществе любое притязание того или иного центра силы на создание стандартов общения (норм, ценностей, коллективно-обязательных решений), всегда могут быть поставлены под вопрос или оспорены другими наблюдателями без каких-то последствий для такого гипотетического деликвента. И в рамках научной коммуникации именно философская коммуникация, как мне кажется, релятивирует любое наблюдательное притязание. В этом состоит одна из составляющих миссии философа в

² Ведь если мир является сферой, а видимо так и есть, то полюса может быть только два, поскольку в каждой сфере есть только две точки пересечения оси вращения и поверхности.

полицентричном мире. Просто потому, что ни у одной другой наблюдательной инстанции не обнаруживается таких высокоразвитых стандартов скепсиса. В этом смысле смысл и миссия существования философии действительно, отчасти определяется ее критикой политических институтов и политических наблюдений (решений)³.

И все таки целостный (смыслоопределяющий по Витгенштейну) контекст существования философии не может определяться через центры власти. Для философии уже власть перестала служить *главным* вызовом и мотивом, через который они себя негативно или «апофатически» понимали. В современном мире политические описания общества будут всегда переписываться и *другими* конкурирующими с философией центрами коммуникации (наукой, искусством, литературой). Именно поэтому, политическая коммуникация в современном обществе уже не может претендовать на приоритет, идентифицировать себя с коммуникацией как таковой.

Дифференциация полицентричного мира как условие его жизнеспособности

Фактом остается что, состояние современного общества может определяться как предельно дифференцированное коммуникативно и профессионально. Можно сказать, что современное общество живет относительно бесконфликтно и устойчиво воспроизводится в силу такой распределенности на локально-центрированные коммуникации. Наука не стремится к решению вопросов веры. Политика не определяет истинность научных предложений и цены в хозяйстве, а хозяйство не определяет коллективно-обязательные решения и не покупает должности. Поэтому «пробоина в одном отсеке» (скажем, религиозные контроверзы⁴) приводит к утрате плавучести «общественного корабля». Ушли в прошлое войны за инвестицию между политикой и религией. Религия не вмешивается в научные наблюдения. Таково определение «полицентрического мира» в его самом простом коммуникативном понимании.

Полицентричные идеологии

Все эти коммуникативные центры, очевидно, выказывают мировоззренческие притязания. Политика формирует идеологию. Хозяйство переносит экономические калькуляцию прибылей и издержек на коммуникативную стратегии любого человеческого поведения (неоутилитаризм). Система интимных коммуникаций (любовь, дружба) создают гендерные идеологии. Наука создают формирует критицизма, скептицизма и фальсификационизма, на которых и специализируются ее особая подсистема с функцией рефлексии – т.е. философия. Собственно, философия всегда корректировала наблюдательный дефицит других глобальных наблюдателей. Она обличала, дополняла, подсказывала политике (Платон), проясняла смысл научных понятий (случай Хьюэлла, и вся аналитическая философия), проясняла вопросы веры (Лейбниц). Но в начале этого столетия на авансцену вышел новый игрок или новый наблюдатель.

³ Кроме того, в современном обществе появились огромные локальные пространства, неподвластные коллективно-обязательным (= политическим) решениям. Речь идет, например, о персонально-конструируемой биографии, о жизненных стиля, о сфере удовольствий и индивидуальных потребностей, не в последнюю очередь о сфере – в том числе профессиональных – интересов, области интимных предпочтений, и конечно, о науке, включая сюда и философию (ведь истину нельзя принять посредством решения), и о много другом, а в современном обществе, конечно, о социальных сетях.

⁴ А если это происходит, то это свидетельствует о недостаточной коммуникативной дифференцированности, т.е. незрелости того или иного общества.

Новый наблюдатель в современном полицентричном мире.

Речь идет об искусственном интеллекте, который среди прочих воплощений (интернета вещей, автопилотируемых механизмов) материализовался в виде *социальных сетей*. Фактически возник квази-субъект, способный к принятию несознательных нерелексивных решений на основе программных механизмов. Это коммуникативная система оформилась, прежде всего, как социально-сетевая протестная система. Она взяла лучшее у так называемых новых социальных движений (60-годов), т.е. горизонтальные, ризоматические структуры управления. Она избавилась от недостатков организованного администрирования на основе харизматичного и формального лидерства, бюрократии, формального членства, босизма, nepoтизма и других ограничений, свойственных организациям. И благодаря своего рода искусственным нейронным сетям решила главную проблему неорганизованного управления – координацию коллективного действия.

Фактически коммуникативная система социальных сетей стала непобедимой. Ведь ее нельзя распустить, т.к. она не основана на формальной организации членов, ее невозможно запугать, так как она основана на *страхе за другого*, на общем алармизме, и любая репрессия лишь умножает общий алармизм, подпитывая эту систему. Наконец, ее лидеров нельзя подкупить или арестовать, т.к. у нее нет лидеров, у нее нет центра принятия коллективных решений, а при этом способность к принятию коллективных решений у нее есть⁵. (это отдаленно напоминает поведение стаи, способной принимать одновременные коррекции движений).

Может ли философия, определить себя «негативно» через социально-сетевой коммуникативный контекст? Многие эмпирические исследования показывают особую роль философии (как правило, в роли публичных интеллектуалов) которые собственно на этом специализируются. Они в функции так называемых «информационных брокеров» обеспечивают эту систему сознанием и рефлексией. Их функция состоит в «наведения мостов» между разрозненными сетевыми сообществами. Они словно обеспечивают рефлексией нерелексивные сетевые системы, в чем и состоит еще одна составляющая миссии философа (и ученого) в современном сетевом обществе.

Миссия философа в смыслоопределяющем контексте системы науки.

Мой тезис в том, что никто из этого реестра перечисленных коммуникативных центров не способен на универсальные наблюдения и суждения, т.е. на такие суждения, которые не могут быть обставлены теми или иными предметными и временными ограничениями.

⁵ Появление нового актора доказало и так очевидно всем. А именно то, что все эти коммуникативные центры, или коммуникативные системы основаны на программных алгоритмах, которые организуют коммуникативные вклады участников этих систем. Здесь я солидаризировался бы со Степиным, который понимал традицию и культуру как особого типа программы. Это описывалось в метафорах «невидимой руки рынка», «органической солидарности» и т.д. Но вырваться из этой матрицы было невозможно. Всякий участник политической системы вносил коммуникативный вклад в систему лишь в том случае, если реализовывал программу «подчиняться высшей власти, подчинять низшую, не обращай внимание на остальное». Предприниматель в свою очередь реализовал программу «Покупай когда цены падают, продавай когда цену растут». И исследователь не мог избежать алгоритма «формулируй теорию, проверяй ее методологически, а метод формулируй на основе теории».

Наконец, и наука, как материнская коммуникативная система, ограничена условиями, накладываемыми профессионализацией и специализацией. Стандартный научный проект (и по грантам, и по госзаданиям) должен быть завершен в течении 3-5 лет, безразлично, успешно или нет.

Как ни странно, ученый парализован в своих притязаниях на универсальность. Чтобы заявить некоторую нетривиальную идею, ученый должен слишком много знать. Он должен изучить в пределе *все* точки зрения на данный предмет, и лишь так может доказать профессиональность и добиться научного успеха. Этот научный успех может быть измерен только в *ограниченных временных интервалах*. Такие требования накладывает организация современной науки, в которой ученый, словами Вебера «наемный работник государственно-капиталистической корпорации», заключающий эффективный (т.е. ограниченный временем) контракт. (Последним универсальным научным проектом, по моим сведениям, был социологический проект Никласа Лумана, который в течение всей жизни создавал универсальную теорию общества, теорию социальных систем, теорию социальной эволюции).

Итак, означенные ограничения на научные высказывания не позволяет ученому сделать универсальное суждение – универсальное по объектам, и универсальное по времени. У меня пока нет точного представления о том, как это возможно. И возможно, что это не возможно. Ровно 100 лет назад это явно выразил Макс Вебер в своем памфлете «Наука как призвание». Но то, что невозможно для ученого, отчасти возможно для философа. Философ, конечно, остается дилетантом в области научных теорий, но именно поэтому он способен сказать больше, чем ученый. Исключительную роль дилетантов в науке невозможно переоценить (об этом, в свою очередь утверждал Вебер в своей речи).

Однако такое универсальное суждение возможно не в модусе позитивного утверждения, а, скорее, в модусе отрицания, некоем апофатическом стиле.⁶ У них меньше фактических знаний, а значит, те запреты, которые запрещают те или исследовательские ходы, не абсолютны для философов.⁷ Философ менее критичен, чем ученый, но он и более критичен, чем ученый. Он формулирует гиперкритические и гиперскептические стандарты наблюдения, которые и не снились ученому. Там, где ученый фиксирует данные собственного восприятия, там философ постулирует гипотетические «мозги в бочки». В этом состоит еще одна составляющая миссия философа – дистанцироваться от

⁶ Это напоминает идею Карла Маркса, который претендовал на универсальную теорию общества, и не мог дать ее позитивного описания и предложил отрицательную характеристику некоего «абсолютного класса». Он лишен всего: собственности, прав и свобод, и т.д. и в связи с этим занимает не временное положение в обществе, а абсолютное, поскольку с ним связан конец истории и начало новой. Философия и философское сообщество в этом смысле очень похоже на пролетариат.

⁷ Философ менее критичен, чем ученый, и в этом смысле видит больше. Так, ученый может отклонять идею флогистона, но философ способен увидеть «сермяжную правду» и в этом – ложном для ученого – концепте. Прежде всего, видит, что истина – это не только символ обоснованного знания, это еще и коммуникативный код науки. Это то, благодаря чему корпорация ученых отклоняет одни коммуникации, и акцептирует другие, т.е. обеспечивает инклюзию и эксклюзию. И в этом смысле, истина – коммуникативна, а не объективна. Для ученого это обстоятельство, и эта нормативно-коммуникативная роль истины – слепое пятно. Так, ученый может отклонять идею флогистона, но философ способен увидеть «сермяжную правду» и в этом – ложном для ученого – концепте.

науки как от *внутреннего внешнего* коммуникативного центра и смыслообразующего контекста философии⁸.

Промежуточные выводы

Итак, универсальное суждение о природе, обществе и сознании, притязание на создание «теория всего» невероятно по ряду обстоятельств. Во-первых, в условиях временного давления и отчетных требований, предъявляемых к профессии ученого. На это у государственно-капиталистической организации, которой является наука, нет достаточно денег и времени. Поэтому и нет журналов, посвященных таким экзотическим по нашим временам тематикам. Во-вторых, не существует языка, в терминах которого можно сделать такие всеобщие наблюдения. И наконец, не должно было бы существовать – в условиях высоко дифференцированного общества – также и сообщества, способного на такие высказывания. Ведь всякий наблюдатель ангажирован своей системной точкой зрения, своим собственным медиа (власти, денег, веры, истины), и какие-то глобальные внешне-мировые референты (прежде всего, человек и природа) для него гораздо менее значимы, чем успех в своей отдифференцировавшейся коммуникативной системе.

И все-таки профессиональное сообщество с такими универсальными притязаниями с – фактически и эмпирически – существует и даже получает, по некоторым меркам, неплохую зарплату.

Часть вторая. Как возможно универсальное суждение?

Выше мы попытались определить миссию философии через внешний для нее коммуникативный контекст. Но возможно ли позитивное определение философии, философии исключительно как философии? Ведь со времени Куайна мы знаем, что любое аналитическое определение всегда обременено эффектами синонимии, тавтологичности и бессодержательности.

Парадокс Гемпеля. О чем говорит квантифицированное научное суждение?

Я попробую показать, что не всякая тавтология является бессодержательной. Для иллюстрации возьмем пример или парадокс, над которым размышлял Карл Гемпель. Его

⁸ Если философию мы будем понимать, как наблюдателя, способного к универсальному суждению, то решается известный парадокс Мертона-Поппера. Если ученый занимает позицию фальсификационизма, т.е. ни одна теория не считается, истинной, то и к *ценностям* общества, общественному консенсусу должны предъявляться такие же требования исключительно временной валидности тех или иных основ, и их априорной недостоверности. Если нет базовых оснований для любых утверждений, то и фундаментальные ценности и права, на которых основано общественное согласие и солидарность, должны ставиться учеными под вопрос. В этом смысле фальсификационизм, фальсифицирует все, а значит подрывает общественные устои. Однако философ, по крайней мере, тот, кто придерживается системно-коммуникативного понимания философии, все-таки сохраняет означенный постулат коммуникативного характера общества. Всякое научное и философское наблюдение есть наблюдение коммуникативное, а значит, образует систему коммуникаций, а значит, основано на коммуникативных стандартах, и в этом смысле требует согласия хотя бы в вопросах коммуникации.

идея была в том, что во всяком научном (а значит, квантифицированном) суждении заложены некие возможности реферирования не только множества предметов научного интереса, но и всего остального мира в целом. В суждении «Все вороны черные» по видимости наблюдается локальное множество воронов. Но ведь это суждение эквивалентно суждению «Если не черный, значит не ворон». А это значит, что восприятие белых перчаток будет подтверждать оба суждения. Источник парадокса виделся Гемпелю в том, что нас обманывает интуиция. Суждение о воронах, есть суждение обо всем мире в целом, о его расколотости на черных воронов и весь остальной светлый мир.

Это очень глубокая мысль. Поэтому, если мы что-то доказываем или утверждаем, то мы всегда утверждаем не только о предмете, но и в некотором смысле обо всем остальном мире. Но в практическом плане это означает, что я могу доказывать свой тезис о том, что «все вороны черные», не будучи орнитологом и не выходя из дома, а просто перебирая нечерные предметы в поисках белого экземпляра ворона.

Можем ли мы применить это понимание к философии? Определяя всякую философию исключительно как философию, мы – как философы – вынуждено реферлируем весь остальной нефилософский мир. Всякая философия (как коммуникация, действие, деятельность, дисциплина) есть философия и в этом смысле равна самой себе, замыкается в самой себе, и значит, отличает себя от всего остального типа коммуникации и внешнего мира.

Казалось, бы это типичная тавтология, и в этом смысле бессодержательное утверждение. И если бы, скажем, диссертант выдвинул его в качестве тезиса, выносимого на защиту, то философского успеха он, очевидно, бы не достиг. Сегодня в ходу противоположные, редукционистские понимания философии. Например, философия (и теоретически, и перформативно) часто определяется как история философии (т.е. как история, а не философия), или философия понимается как аналитическое прояснение смыслов слов (как лингвистика), или философия рассматривается как история мысли (Фейерабенд).

Но если мы соглашаемся с гемпелевским тезисом, то утверждение о том, что философия, есть только философия, и образуют (в самом общем смысле) то искомое *универсальное суждение обо всем мире*, на которое способно только философия.⁹

Развернем эту простую тавтологию, из которой, на мой взгляд, вытекает целый комплекс содержательных суждений.

- Философия есть только философская коммуникация, и значит, все *медиа успеха* чуждых для нее типов и форм коммуникации не должны служить для нее ориентирами. Философия является лишь философией, а значит, она противоположна экономической активности, калькулирующей прибыль и издержки.

- Философ не работает и ради политического успеха, не стремится за властью и славой, которую можно конвертировать в электоральные голоса.

⁹ Конечно, такие квантифицированные (= универсальные) суждения формулируют ученые, но именно философия на них специализируется (парадокс)

- Философское суждение не является морализаторством, ведь всякая мораль предполагает особые дистинкции, а философское суждение ищет за дистинкциями некоторого единства (в том числе, единства хорошего и дурного как слепого пятна любого морализаторства, единства истины и лжности как слепого пятна научного наблюдения).

- Философия не подчиняется требованиям интимности (дружбе и любви), а также дистинкциям веры в религиозной коммуникации.

Она ограничена самой собой, но именно благодаря этому, что она не ограничена в своих наблюдениях, ведь ни одна из перечисленных дистинкций (власти, любви, веры, даже истины), не ограничивает ее наблюдений, не принуждает следовать за чем-то одним и отказываться от противоположной стороны, поскольку не обещает *философского успеха* в результате следования за этими различиями.

Позитивные черты философского наблюдения

1. Итак, философия это наблюдатель в высшей степени независимый, и в то же время, выступает социальным релятивистом. Она утверждает, что для нее не существует ни авторитетов, ни ценностей. *Anything goes* (Фейерабенд). В этом смысле, философия, выступает *протестом* против реальности, прежде всего, против реальности наличных (политических и других социальных) институтов. Это потенциальное несогласие с сущим роднит ее как с искусством, так и с протестом. Но в отличие от протеста философ, как публичный интеллектуал или блоггер, поставляет в распоряжение социальной сети *отрефлексированную* информацию, которая потом процессируется в искусственных нейронных сетях интернет-сообществ, подготавливая нерелексивное, но скоординированное коллективное действие.
2. Философия остается наукой, поскольку использует и радикализирует стандарты предметной и содержательной критики, но в отличие от науки философия способна увидеть *и за истиной* ее характер *коммуникативного медиума*, а не синонима (и избыточного индекса) *обоснованного знания*, каковыми истина представляется ученому.
3. Наконец, обнаруживаются и позитивные отличия философии от искусства. Искусство, как и философия, отвергает наличные формы и институты, например, мир *естественных* движений и звуков; искусство ищет новые формы этого мира (например, танцевальные движения или музыку), но однажды материализовав эти новые формы, тотчас полагает их устаревшими, а их воспроизводство более не считает искусством (В. Беньямин). Философия, в отличие искусства, продолжает считать философией свои прошлые тексты и не считает их устаревшими.